

Трансформация раннехристианских представлений об иудаизме

(на основе анализа христианской полемической литературы II–III вв. и ее историко-культурного контекста)

Анна Александровна Лунева

(Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Магистрант, ORCID ID: 0000-0001-7033-3140, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), институт философии, кафедра философии религии и религиоведения: Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; тел +7 (812) 328–20–00, E-mail: spbu@spbu.ru

DOI: 10.31168/2658-3380.2018.18.1.2

Аннотация: Период II–III вв. н.э. дал миру то, что в наши дни называется иудаизмом и христианством. Две религии, которые сейчас воспринимаются как обособленные друг от друга, в то время имели множество точек пересечения. Христианство еще не избавилось от своего иудейского прошлого, а в иудейской среде было много тех, кто принимал мессианизм Иисуса и переходил в новую веру. Однако во II в. в христианскую общину приходит все больше людей из язычников, а иудейские общины все больше закрываются от внешнего мира. Этому, очевидно, способствовал и широкий пласт христианской литературы, направленной против иудеев. Именно в это период развивается жанр *Adversus Judaeos* ('против иудеев'), внутри которого вырабатывается особая аргументация и приемы. Рассматривая трактаты, созданные с середины II в. по III в. в разных провинциях Римской империи, можно увидеть, насколько более отточенными с точки зрения стиля и аргументированными становятся эти тексты в течение одного столетия. В то же время заметно, что по мере распространения и эволюции текстов *Adversus Judaeos* христианские авторы утрачивают собственные знания об иудаизме, но лишь рисуют нам образ иудея того времени, заимствуя аргументы из сочинений своих предшественников.

В этой статье на основе трех полемических произведений — «Диалог с Трифоном иудеем» Юстина (середина II в. н.э.), «О Пасхе»

Мелитона (160–170-е гг. н.э.) и «Против иудеев» Тертуллиана (вторая половина III в. н.э.) — мы проследим трансформацию образа иудеев и возникновение концепции иудаизма в христианской среде. Анализ историко-культурного контекста мест создания данных произведений показывает, что на восприятие иудаизма в христианских антииудейских трактатах влияло положение этих двух общин в античном обществе. Кроме этого, именно в христианской среде зарождается понятие «иудаизм», которое христианские полемисты противопоставляли христианству, создавая контркультуру, на фоне которой резко проступали отличительные черты своей религии и демонстрировались ее преимущества.

Ключевые слова: *раннее христианство, иудео-христианские отношения, раннехристианский антииудаизм, «иудейство» и «иудаизм», иудаизм Второго храма*

Период II–III вв. — это время, когда христианство еще только оформляется как отдельное вероучение. Этот процесс был двояким: с одной стороны, появлялись и видоизменялись богословские формулировки, с другой стороны, создавалась система христианской литературы. Именно эта литература стала стандартным полем для христианской теологической дискуссии, различные жанры формирующей христианской литературы отражают разные стороны полемики. Одним из таких жанров являются христианские апологетические сочинения, которые можно объединить под названием *Adversus Judaeos* («против иудеев»). Их появление связано с тем, как развивались отношения формирующегося христианства и иудаизма, и с тем, что в литературе называется «разделением путей», то есть окончательным обособлением христианства, которое теперь осознает себя как отдельная религия. В таких сочинениях раннехристианские мыслители пытались определить особенности своей веры и доказать ее истинность.

Амос Хьюлен [Hulen 1932, 58–70] предложил разделить антииудейские трактаты на поучительные (*expository*), дис-

куссионные (argumentative) и обличительные (denunciatory). Первые разъясняют различные доктринальные или экзегетические аспекты, показывая различия между религией иудеев и христиан. Вторые (дискуссионные) написаны в форме диалога, их цель — оспорить возражения иудеев, «переманить» их на сторону христианства. Третья группа текстов — диатрибы. Такие произведения, направленные на осуждение и обличение иудеев, доказывают, что иудеи — уже не богоизбранный народ.

Несомненно, все эти сочинения формировали в христианской среде негативный образ иудеев и их религии, представляли их как врагов христиан, отступников и богоубийц, распявших истинного Мессию. Однако при изучении этих произведений, зачастую построенных в виде диалогов, возникает следующий вопрос: стоят ли за фигурами иудейских участников полемики реальные прототипы, или перед нами лишь условные литературные образы, созданные воображением христианских авторов. Иными словами, для нас важен вопрос о том, действительно ли имели место споры между иудеями и христианами, описанные в трактатах *Adversus Judaeos*, или это не более чем литературный топос.

Важно помнить, что изначально христианская традиция формировалась в иудейской среде. Первые христиане не осознавали себя основоположниками нового учения или — тем более — новой религии. Они могли посещать синагоги, соблюдать Шаббат и совершать обряды так, как это делали иудеи [Cohen 2006, 160–161; Goldstein, Evans 2012, 28–30].

Преимущество христианства перед иудаизмом заключалось в том, что оно вышло за этнические рамки и уже на раннем этапе в число его последователей входило все больше людей нееврейского происхождения. Привлечению новых людей способствовали весьма гибкие критерии вхождения в общину завета: в отличие от иудаизма, не требовалось совершать обрезание и строго следовать всем предписаниям Закона, спасение обреталось верой. Именно на эти преимущества не переставали указывать христианские апологеты в своих антииудейских трактатах. При этом во всех произведениях за основу брались три основных аргумента:

1) доказательство мессианизма Иисуса, опирающееся на тексты Ветхого Завета;

2) критика иудейского закона, в особенности ритуальной его части, а также доказательство того, что на смену ему пришел новый закон, который, следовательно, упраздняет старый;

3) обоснование тезиса о том, что именно христиане, а не иудеи, являются богоизбранным народом¹.

Поскольку антииудейские произведения были одним из средств привлечения на сторону христианства новых приверженцев из числа как иудеев, так и язычников (за эту аудиторию также боролись и иудеи), восприятие христианскими апологетами конкурирующей религии (иудаизма) зависело от конкретной исторической ситуации в том или ином городе, из которого происходил христианский полемист, и от того, к какой аудитории он обращался. Следовательно, можно предположить, что на радикализм каждого отдельного произведения *Adversus Judaeos* по отношению к иудаизму влияло то, насколько сильной была иудейская община в том или ином месте.

Сочинения, к которым мы обратились в текущем докладе, отражают представления христиан об иудеях в трех разных регионах Римской империи. Это произведение Юстина «Диалог с Трифоном иудеем» (середина II в. н.э.), «О Пасхе» Мелитона (160–170-е гг. н.э.) и «Против иудеев» Тертуллиана (вторая половина III в. н.э.).

Разумеется, спектр работ на означенную тематику значительно шире, однако именно эти произведения нам кажутся наиболее показательными по ряду причин. Прежде всего, Юстин — первый автор трактата в жанре *Adversus Judaeos*, который дошел до нас, в отличие от других трактатов этого периода, практически целиком, и мы можем оценивать его в контексте эпохи. Мелитон важен тем, что это «рубенный» автор: именно он собрал воедино всю антииудейскую аргу-

---

¹ Подробнее об иудео-христианских отношениях II–III вв. и раннехристианском антииудаизме см.: [Ruther 1994; Taylor 1995; Houghton 1998; Simon 1996; Boyarin 2004; Schwartz 2001; Gager 2015].

ментацию и с него начался классический христианский антииудаизм. Тертуллиан — фактически создатель латинской патристической литературы с ее конвенциями. Кроме того, благодаря географической и хронологической специфике, в данных трактатах ярко прослеживается та динамика раннехристианских представлений об иудаизме, которую мы стремимся раскрыть.

Несмотря на то, что в каждом из вышеуказанных произведений используются три стандартных аргумента против иудаизма, каждый из трех авторов дает свое представление об иудеях и их религии, и эти представления в значительной мере отличаются друг от друга. Кроме того, эти тексты являются примерами разных типов полемических произведений, согласно предложенной А. Хьюленом классификации. «Диалог с иудеем Трифоном» Юстина — это дискуссионное произведение. К поучительным можно отнести «Против иудеев» Тертуллиана, а обличительным трактатом можно считать «О Пасхе» Мелитона. Рассмотрим данные трактаты в хронологическом порядке начиная с Юстина.

Это, пожалуй, самое лояльное по отношению к иудеям произведение. Хотя сам автор диалога (а в дальнейшем и Евсевий (HE 4.18.6)) указывают на то, что диалог происходил в Малой Азии, в Эфесе, вероятно, местом его создания все же стоит считать Рим, где Юстин провел последние годы своей жизни. По всей видимости, отсылка именно к Эфесу была важна Юстину для создания необходимого литературного фона и формирования у читателя понимания особого контекста, в котором происходила беседа [Quasten 1983, 196–197; Hillar 2012, 140–141].

Произведение Юстина написано в духе античных греческих диалогов. Так, разговор Юстина с Трифоном происходит в процессе прогулки и начинается с обсуждения философии. Основная задача диалога — обнаружение истины, привлечение на свою сторону сомневающегося ответчика. Так ведет свой диалог Юстин. Его цель — показать и обосновать истинность христианства, доказать мессианизм Иисуса.

Герой автора — эллинизированный иудей, образованный человек, равно сведущий как в греческой философии, так и

в иудейских законах, сочетающий эти две традиции. С самого начала произведения герои держатся на равных. Юстин, приветствуя Трифона, обращается к нему с такими словами: «Кто же ты, превосходнейший из смертных?» (Dial. 1.3). Иудей Юстина — уравновешенный собеседник, умеющий слушать и оценивать взгляды диспутанта.

Несмотря на это, произведения Юстина — классический пример сочинения жанра *Adversus Judaeos*. Автор легко, шаг за шагом устанавливает истинность своих взглядов, склоняет иудея на свою сторону. Диалог строится в рамках стандартной антииудейской полемики. Юстин оспаривает правильность Закона Моисея (Dial. 34.1; 43.1), обвиняет иудеев в убийстве Христа (Dial. 17.2–3) и в гонениях на христиан (Dial. 16), утверждает, что распятие Христа дало миру новый закон, который не требует ни соблюдения субботы, ни плотского обрезания (Dial. 34.2; 43.1).

При этом, утверждая, что на смену закону Моисея пришел новый закон, Юстин говорит, что и последователи закона старого могут быть спасены (Dial. 45.1–3). Стоит отметить, что в произведении Юстина все еще сильна иудео-христианская традиция, ведь эти религии, несмотря на различия, все еще не обособились друг от друга. В диалоге Юстина иудео-христиане все еще находятся в кругу спасенных людей. Диалог имеет «счастливый конец»: вряд ли можно сказать, что Юстину удалось убедить Трифона в истинности христианского учения, однако оба героя расстаются друзьями «молясь друг за друга».

Диалог Юстина имеет антииудейскую направленность, однако автор дает нам положительный образ иудеев, создается впечатление, что они не несли особой опасности для христианского вероучения. Исходя из этого, можно сделать следующий вывод. Юстин жил в тот период, когда указанные религии воспринимались комплексно, одна являлась преемницей другой. Кроме этого, Юстина явно окружали эллинизированные иудеи, тяготевшие скорее к Септуагинте (именно этой версией Библии пользуется полемист), чем к ее еврейскому варианту, и подкованные в греческой философии [Barnard 1964, 395–406]. Такой трактат мог быть написан как

в Эфесе, так и в Риме. Оба города были, во-первых, центрами зарождающегося христианства, во-вторых — местами проживания иудеев².

Нам много известно об иудейской общине Рима, где сохранились и иудейские катакомбы, и синагоги [Cappelletti 2006, 143–176], однако об иудеях Эфеса доступны весьма скудные сведения. Прежде всего это строки из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (AJ 16.167, 172), а также новозаветные книги (Деян и Еф). Иосиф говорит нам о иудеях, которые были достаточно хорошо встроены в римскую систему, однако имели право на соблюдение норм своей религии. Благодаря новозаветным текстам известно, что в Эфесе была синагога (см., например, Деян 18:19–21), в которой, однако, удалось проповедовать Павлу. Однако, несмотря на это, христиане и в Риме, и в Эфесе чувствовали себя весьма спокойно. Сам Юстин в первой Апологии пишет о том, что Адриан постановил судить христиан только за их дела против римских законов и карать, если они клеветуют на них (I Apol. 70). Иудейская община Рима также не представляла угрозы для существования или миссионерского успеха христиан, поскольку ко II в. Рим становится центром христианской мысли. Последователи Христа приходили в этот город со всех концов Римской империи. В нем проживали люди, имевшие различное мнение о христианстве, об иудаизме и об их взаимодействии.

Говоря об Эфесе, можно отметить, что этот город уже с I в. становится одним из крупных христианских центров. При этом основной своей аудиторией эфесские христиане избрали именно иудеев, которым, согласно Деян 18:19 и 19:1–2, проповедовали в синагогах. С синагогальной службой знаком также и Юстин, который в «Диалоге с Трифоном» неоднократно отмечает, что иудеи, молясь, проклинают христиан в синагогах (Dial. 16.4, 96.2, 137.2).

Совсем иначе представлены иудеи в прозаическом произведении Мелитона, епископа г. Сарды, где ко II в. сформировалась

² См., например: [Trebilco 1991, 167–183], а также: [Barclay 1998; Gruen 2002; Levine 2000].

сильная и влиятельная община иудеев. Мелитон повествует нам об Израиле (Ἰσραήλ) в негативном ключе. Хорошо знакомый с иудейскими текстами, Мелитон с самого начала показывает своей аудитории различие между двумя таинствами Пасхи — «ветхим» и «новым». Используя стандартные приемы, он отмечает, что первое, то есть таинство Израила — «ветхое по закону», второе же — «новое по Слову» (Peri Pas. 3.1).

Мелитон противопоставляет вечное и временное, земную смерть и небесное воскресение (Peri Pas. 2–7). Он сравнивает Пасху Израила с тленным скотом, в противовес которому ставит нетленного Господа (Peri Pas. 3.5–6). Противопоставляет он также Иерусалим земной и небесный, доступный только последователям Христа (Peri Pas. 45.1–2).

Центральным сюжетом в произведении Мелитона является описание событий, связанных с пасхальной традицией иудаизма, — исход евреев из Египта. Мелитон подробно рассказывает о последней, десятой казни, совершенной Богом Израила над народом Египта, той самой, которая привела к праздничным событиям (Peri Pas. 16–34). Неслучайно ряд исследователей говорит о связи трактата «О Пасхе» с Пасхальной Аггадой [Cross 1960, 104–109; Hall 1971, 29–46]. Однако, на наш взгляд, эта связь весьма сомнительна. Несмотря на то, что в рассматриваемых литературных памятниках мы находим много сходных по смыслу и значению комментариев, приведенный довод выглядит скорее спекулятивным. Более уместно здесь суждение о том, что Мелитон при написании трактата опирался на Исх 12. Кроме этого, вполне вероятно, что «О Пасхе» было написано Мелитоном как подтверждение того, что христианскую Пасху следует праздновать (как и Пасху ветхозаветную) 14 Нисана.

Впрочем, даже если отвлечься от этих предположений, то очевидно, что трактат Мелитона имеет стандартное для жанра содержание и строится по его канонам. Говоря о пасхальных событиях, Мелитон доказывает мессианизм Иисуса, показывает, что ветхозаветные жертвы — земные, жертвы новозаветные — духовные.

Мелитон говорит о том, что нет больше необходимости приносить в жертву животное, поскольку Иисус «как аг-

нец ведомый, и как овца закланная, искупил нас от служения миру» (Peri Pas. 67). В соответствии с канонами жанра *Adversus Judaeos*, Мелитон обвиняет «Израиль» в богоубийстве, говорит, что он удалился от Господа, а принявшие Христа, напротив, приблизились к нему.

Отношение Мелитона к «сынам Израиля» весьма неприязненное, и на это несомненно повлияла историко-культурная обстановка города Сарды. Здесь, согласно Иосифу Флавию, проживала значительная и влиятельная еврейская община, которая пользовалась симпатиями сограждан, к тому же римская администрация относилась к иудеям довольно лояльно, о чем свидетельствует, например, декрет о строительстве большой синагоги для еврейского населения (AJ 14.25). Таким образом, логично предположить, что произведение Мелитона — своего рода показательный текст, который отобразил нарастающий градус осложнения христианско-иудейских противоречий в данном регионе.

Третий, отличный от предыдущих, образ иудаизма мы находим в трактате представителя латинской ветви раннехристианской церкви Квинта Септимия Флорента Тертуллиана. В его произведении, созданном в Карфагене в середине III в., с первых строк обозначена главная проблема — спор христианина и иудейского прозелита. Тертуллиан показывает нам хорошее знание по крайней мере нескольких иудейских обрядов. В *Adversus Judaeos* он активно выступает против соблюдения субботы и обряда обрезания.

Критикуя обрезание, Тертуллиан пребывает в рамках христианской традиции, заложенной еще Павлом (например, в Гал). Тем не менее, из всего набора «дел Закона», которые обсуждает Павел, Тертуллиан делает основной акцент именно на обрезании. Это, вероятно, указывает на характер аудитории Тертуллиана: полемист, по-видимому, обращает свою аргументацию к группе, которая уже приняла иудаизм или еще только раздумывала об этом. В этой ситуации в качестве объекта критики было логично выбрать именно обрезание. Кроме этого, автор проводит постоянные сравнения между иудаизмом и христианством, называя первую религию земной и плотской, вторую — небесной и духовной (*Adv. Iud.* 5.1, 6; 6.1–3).

Произведение Тертуллиана отражает те процессы, которые происходили с иудаизмом и христианством на протяжении двух столетий. Тертуллиан — первый из рассматриваемых нами авторов, кто указывает на существование «двух народов» — иудеев и христиан. Он обращается к сюжету книги Быт 25:23 и показывает, что два народа (иудеи и христиане) произошли от двух детей Ревекки (Adv. Iud. 1.3–4), таким образом, возникновение христианства уже было предписано в те давние времена, по этой причине и христиане обладают теми же правами на Писание, что и иудеи.

Таким образом, в Карфагене к середине III в. иудаизм и христианство мыслились христианскими авторами как две различные, независимые религии, они обе боролись за аудиторию язычников и обе претендовали на уникальность. Христианство постепенно укрепляло свое положение на территории Северной Африки, но к началу третьего столетия Карфагенская церковь считалась церковью мучеников³, христиане подвергались нападкам со стороны римских властей [Decret 2009, 9–32], при этом виновниками своих бед они считали также и иудеев, поскольку иудейская община на этой территории была весьма древней. Ее культура складывалась на протяжении нескольких столетий, а после падения Второго Храма и выхода иудеев за пределы Палестины североафриканская диаспора укрепила свое положение в римских владениях.

Итак, после обзора работ трех ключевых раннехристианских авторов мы видим, что на то, в какой мере воспринимался образ иудаизма в христианских антииудейских трактатах, влияло положение этих двух общин в античном обществе. В связи с этим представляется, что адекватным средством для анализа христианского антииудейского дискурса может стать предложенная Эдвардом Саидом концепция ориентализма [Said 1976]⁴.

---

³ Подробнее о раннехристианских мучениках см.: [Пантелеев 2017]. В книге также даны переводы на русский язык произведений «Passiosanctorum Scillitanorum» и «Passio Perpetuae et Felicitatis».

⁴ Работа Э.В. Саида была переведена на русский язык [Саид 2006].

При всех оговорках, которые выдвигались против этой концепции, призванной, прежде всего, понять взаимодействие «Запада и Востока» в Новое время, она хорошо описывает как формирование раннехристианского антииудаизма, так и специфику иудео-христианских отношений в целом, поскольку все полемические трактаты первых христиан представляют нам особый «образ иудеев» — озлобленных, оставленных богом людей, постоянных гонителей христиан.

Так или иначе вышеупомянутую идею о специфике иудео-христианских отношений можно подтвердить доводом о том, что именно раннехристианские авторы ввели в оборот термин «иудаизм». До распространения христианства этого понятия, обозначающего религию как систему верований, не существовало. Была «религия иудеев», которая обозначала не только систему верований, но и образ жизни, присущий определенной этнической группе [Cohen 1989, 13–33; Boyarin 2001, 427–461].

Юстин не использует термин «иудаизм»⁵, иудеи и христиане в его произведении имеют больше точек соприкосновения, чем разногласий. Однако он — первый автор, который выводит диалог на этот уровень. Если в новозаветных текстах диалоги ведутся между Иисусом и различными группами иудеев (фарисеи, саддукеи, книжники и т.д.) и даже в павловских посланиях все споры и рассуждения — скорее решение проблем внутри иудаизма, то диалог Юстина — диалог между представителями разных религий. Юстин адресует свое послание не отдельной группе иудеев, а всем иудеям в целом. Вероятно, полемисту пришлось обозначить это различие, вести понимание общей религии иудеев, чтобы отделить христианство от ряда иудейских групп, избавить его от определения «еретическое учение внутри иудаизма».

Мелитон вообще не использует термин «иудаизм». В трактате «О Пасхе» он употребляет лишь название «сыны Израилевы» (Οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ). Оба термина, в первую очередь, обозначают не конфессиональную, а родоплеменную принадлежность.

⁵ В сочинении Юстина мы встречаем только термин *Ioudaίoi*, но не *Judaismus*.

Согласно концепции Стива Мейсона, именно Тертуллиан вводит в оборот термин «иудаизм», который вслед за ним начинают использовать и другие христианские авторы [Mason 2007, 472–475]. В его трактате *Adversus Judaeos* этот термин встречается один раз (*Nam qui ex Iudaismo credunt in Christum*, IX.3), в то время как в другом его произведении, «*Adversus Marcionem*» — 25 раз, где он противопоставлен термину **Christianismus** (используется пять раз во всем сочинении). При этом «иудаизм» Тертуллиана — более абстрактное понятие, чем «иудейство». Второй термин, в отличие от первого, привязан к определенному месту и культурной традиции. «Иудаизм» воспринимается в отрыве от этих понятий, представляет скорее синтез философских идей, религиозных норм и правил. Благодаря этому термину христиане делили всех «людей Книги» на «мы» (те, которые приняли Христа) и «они» (которые его распяли). Такое противопоставление и создание «иудаизма», а не «религии иудеев» помогало христианам выделять отличительные черты своей религии, показывать ее преимущество. И вполне по лекалам саидовского ориентализма христиане в антииудейских сочинениях создали само понятие «иудаизм», первоначально — как название для противопоставленной христианству религии, через посредство которой они могли определить нормы и правила своего учения.

Наконец, следует сказать, что анализ историко-культурного контекста, в рамках которого создавалось то или иное антииудейское произведение, имеет принципиально важное значение для изучения иудейско-христианских взаимоотношений в античности, поскольку эта античная идея со временем только укреплялась в христианском мире. И в конечном итоге все это повлекло появление политического антисемитизма в XIX в. и последующие трагические события прошлого столетия.

Источники

Eusebius *Historia Ecclesiastica* // Ed. by K. Lake, H.J. Lawlor, J.E.L. Oulton. London, 1926.

- Flavii Josephi opera. / Ed. by B. Niese. Berlin, 1892.
Justini Martyris Dialogus cum Tryphone // Patristische Texte und Studien, ed. M. Marcovich Berlin, 2005.
Melito Sardinianus. Peri Pascha // Melito of Sardis. Text and Translation, ed. S.G. Hall. Oxford, 1979.
Tertullian. Adversus Judaeos // Tränkle H.Q.S.F. Tertulliani Aduersus Judaeos. Wiesbaden, 1984.

Литература/ References:

- Пантелеев 2017 – *Пантелеев А.Д.* Ранние мученики. Переводы, комментарии, исследования. СПб, 2017.
Саид 2006 – *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока; пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб, 2006.
Barclay 1998 – *Barclay J.M.G.* Jews in the Mediterranean Diaspora: From Alexander to Trajan (323 BCE – 117 CE). Edinburgh, 1998.
Barnard 1964 – *Barnard L.W.* The Old Testament and Judaism in the Writings of Justin Martyr // *Vetus Testamentum*. Vol. 14, Fasc. 4. 1964. P. 395–406.
Boyarin 2001 – *Boyarin D.* Justin Martyr Invents Judaism // *Church History*. Vol. 70(3). 2001. P. 427–461.
Boyarin 2004 – *Boyarin D.* Border Lines: The Partition of Judaeo-Christianity. Philadelphia, 2004.
Cappelletti 2006 – *Cappelletti S.* The Jewish Community of Rome: from The Second Century B.C. to The Third Century C.E. Leiden; Boston, 2006.
Cohen 1989 – *Cohen S.J.D.* Crossing the Boundary and Becoming a Jew // *Harvard Theological Review*. Vol. 82(1). 1989. P. 13–33.
Cohen 2006 – *Cohen S.J.D.* From the Maccabees to the Mishnah. Louisville; London; Kentucky, 2006.
Cross 1960 – *Cross F.L.* The Early Christian Fathers. London, 1960.
Decret 2009 – *Decret F.* Early Christianity in North Africa. Havertown, 2009.
Gager 2015 – *Gager J.G.* Who Made Early Christianity? The Jewish Lives of The Apostle Paul. New York, 2015.
Goldstein, Evans 2012 – *Goldstein P., Evans H.* A Convenient Hatred: The History of Antisemitism. Brookline, MA, 2012.
Gruen 2002 – *Gruen E.S.* Diaspora: Jews Amidst Greeks and Romans. Cambridge, Mass, 2002.
Hall 1971 – *Hall S.G.* Melito in The Light of The Passover Haggadah // *Journal of Theological Studies*. Vol. 22(1). 1971. P. 29–46.

Hillar 2012 – *Hillar M.* From Logos to Trinity: The Evolution of Religious Beliefs from Pythagoras to Tertullian. Cambridge, 2012.

Horbury 1998 – *Horbury W.* Jews and Christians in Contact and Controversy. Edinburgh, 1998.

Hulen 1932 – *Hulen A.B.* The dialogue with The Jews as a Sources for The Early Jewish Arguments against Christianity // The Journal of Biblical Literature. Vol. 51. 1932. P. 58–70.

Levine 2000 – *Levine L.I.* The Ancient Synagogue: The First Thousand Years. New Haven, 2000.

Mason 2007 – *Mason S.* Jews, Judaeans, Judaizing, Judaism: Problems of Categorization in Ancient History // Journal for the Study of Judaism. Vol. 38. 2007. P. 457–512.

Quasten 1983 – *Quasten J.* Patrology, Vol. 1: The Beginnings of Patristic Literature. Westminster, Md., 1986.

Ruther 1994 – *Ruther R.R.* Faith and Fratricide. The Theological Roots of Anti-Semitism. New York, 1994.

Said 1978 – *Said E.W.* Orientalism. New York, 1978.

Schwartz 2001 – *Schwartz S.* Imperialism and Jewish Society, 200 BCE to 640 CE. Princeton, N.J., 2001.

Simon 1996 – *Simon M.* Verus Israel: A Study of the Relations between Christians and Jewish in the Roman Empire AD 135–425. London, 1996.

Taylor 1995 – *Taylor M.S.* Anti-Judaism and Early Christian Identity: A Critique of The Scholarly Consensus. Leiden, 1995.

Trebilco 1991 – *Trebilco P.R.* Jewish Communities in Asia Minor. Cambridge, 1991.

Transformation of Early Christian Ideas about Judaism (Based on the Analysis of Christian Polemic Literature of the II-III c. and its Historical and Cultural Context)

Anna Luneva

(Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia)

Graduate student, ORCID ID: 0000-0001-7033-3140, the Department of Philosophy, Saint-Petersburg State University, 199034, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, tel. +7 (812) 328–20–00, E-mail: spbu@spbu.ru

II–III c. gave the world what is now called “Judaism” and “Christianity”. Two religions, which are now perceived as original and separate from each other, at that time had many intersection points. Christianity had

not yet rid itself of its Jewish past, and in the Jewish environment there were many people who accepted Jesus' messianism and converted to a new faith. However, more gentiles people in the II c. come to the Christian community, while the Jewish are closing themselves from the outside world.

Christian literature directed against the Jews (*Adversus Judaeos*) contributed to this. Although studying the treatises created in this period from in different provinces of the Roman Empire, we can see how much more refined and reasoned these works become. However, it is evident that, in the process of the development of the *Adversus Judaeos* texts Christian authors rarely invest their own knowledge of Judaism, but only draw us the image of the Jew of that time, borrowing arguments from the writings of their predecessors.

In this article we will trace the transformation of the image of the Jews and the emergence of the concept of "Judaism" in the Christian environment on the basis of three polemic works — Justin's "Dialogue with Trypho" (mid-2nd c.), "On the Passover" by Melito (160–170) and Tertullian's "Against the Jews" (2nd half of 3rd c.).

At the same time, the analysis of the historical and cultural context of the places where the treatises were created, shows that the extent to which the image of Judaism was perceived in the Christian anti-Judaic treatises was influenced by the position of these two communities in ancient society. Furthermore, the notion "Judaism" emerges in the Christian environment, which Christian authors counter posed to "Christianity", creating a counterculture, through which they indicated the distinctive features of their religion, showed its advantage.

Keywords: *early Christianity, Judeo-Christian relations, early Christian anti-Judaism, Judaism, Judaism of the Second Temple*